

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Леди Макбетъ.

М. Н. Ермолова явилась во-время.

Уныло, вяло, тускло стало по нашимъ театрамъ. Въ Портъ-Артуръ ударила пушка и перервала театральнѣйшій нервъ, кровавая драма въ Чемульпо далеко забросила искусственныя драмы. Все, что творилось на сценѣ, всѣ повседневныя драмы, всѣ будничныя волненія, эгоистическія требованія, мелкія страсти показались ничтожными, незначущими въ сравненіи съ тѣмъ роковымъ актомъ, который разыгрался на Дальнемъ Востоцѣ, съ тѣмъ всеобщимъ воодушевленіемъ, съ горячей волной народнаго чувства, которая отъ края и до края захватила Россію... И театръ, нашъ обычный, сѣренскій и жиденьскій театръ показался вдругъ такимъ отжившимъ и безцвѣтнымъ, что о немъ никто не хотѣлъ и думать.

И явилась актриса.

Богиня трагедіи или богиня войны,— Мельпомена или Беллона не знаю. Но знаю, что ее, именно ее не хватало нашему театру. Вдохновленный и вдохновляющій талантъ, заставляющій переживать трагическія страсти, волнующій неизвѣданными ощущеніями

ми духовной силы, увлекающій на подвигъ и освѣщающій жизнь трагическимъ факеломъ.

Такой актрисой явилась Ермолова.

Кто былъ вчера въ Мариинскомъ театрѣ и видѣлъ ее, тотъ не могъ не уразумѣть всей значительности ея появленія. Не сразу, вѣроятно, это всѣ почувствовали. «Макбетъ» съ его темной, угрюмой декорацией, съ мрачными, зловѣщими страстями, съ двумя большими, но мало знакомыми исполнителями не сразу ввелъ всѣхъ въ трагическій кругъ. Южнѣйшая явилась трепетнымъ, сомнѣвающимся Макбетомъ, но Макбетомъ такъ сказать безъ трагическаго вступленія. И все-таки его рассказъ о страшныхъ голосахъ насторожилъ публику. Ермолова, леди Макбетъ, въ полголоса, въ полчувства, только еще собирала вниманіе толпы и, поражая отдѣльными, короткими ударами, казалось, ждала момента, когда можно будетъ потрясти театръ всей силой своего таланта.

Она сдѣлала это въ слѣдующей картинѣ сумасшествія. Уже по тому, какъ она вошла, можно было понять, что вошла трагедія, что вотъ сейчасъ-то и начнется главное, котораго всѣ ждали.

И началось...

Изъ мрака вышла она бѣлымъ привидѣніемъ съ большимъ подсвѣчникомъ въ рукахъ. «Глаза открыты, но чувство ихъ закрыто». Поставила свѣчу. Схватила за руку и отрывисто, сильно стала тереть ее: «Прочь проклятое пятно!» Адъ ей померещился... Потомъ мужъ... потомъ старикъ, истекающій кровью... Какая страшная картина душевнаго разстройства! «У тана Файфскаго была жена—гдѣ она теперь?» И вдругъ въ этомъ голосѣ, пѣвучемъ, протяжномъ и сильномъ, что-то замутилось, заклокотало въ горлѣ и, отвернувъ лицо, леди Макбетъ протяжно и въ носъ сказала: «Все еще пахнетъ кровью...» Какія страданія! Придворная дама въ ужасѣ откликнулась: «Такого сердца я не согласилась бы носить въ груди за все величіе ея сана». И на человѣческій голосъ, упавъ на колѣни и все еще не приходя въ себя, леди Макбетъ прошептала: «Въ постель! въ постель!» И, крадась по стѣнѣ, ушла. Все продолжалось не болѣе десяти минутъ, но ужасный трагическій часъ былъ пережитъ за это время. Одинъ короткій актъ, но больше и не нужно было. Словно ударила сигнальная пушка. Изъ-за призрака убійства померещилась кровавая бойня войны. «Макбетъ зарѣзалъ сонъ!...»

Послѣ Ермоловой не хотѣлось слушать оперу, ни смотрѣть какой-то балетъ. Не все ли равно, что будутъ пѣть, какъ будутъ танцовать... Вотъ ощущеніе, котораго не забудешь, вотъ сила, которая потрясла душу. Я говорю, что артистка явилась къ намъ во время. Да ея увлекательный талантъ, ея трагическая сила сдѣлають хоть кого бодрѣе и сильнѣе. Такіе артисты теперь нужны намъ. Они ведутъ на войну, на подвигъ, на самопожертвованіе. Слава имъ!

Юр. Вѣляевъ.

Новое время. Петербургъ. 1904. 23 февраля